

ИЗ ЦИКЛА «ВЕЛИКАЯ СТЕПЬ»

Рассказы

УОДХЭ

Не то чтобы коня, но и узды-то своей у Уодхэ никогда не было. У него вообще ничего не было, сиротой рос, ел, что подадут, одевал, что дадут. Он обучал диких коней в табунах богатых степняков. Усмирить жеребца, погарцует с месяц, потом снова бродит пешком в рваном тэрлике, грудь смуглая, нараспашку... Был он оборван и худ, как бродячая собака, но силен и жилист, роста высокого. Обритая голова была похожа на булыжник, землистая, вся в шрамах и шишках, коса черная и жесткая, нос криво приплюснут к булыжнику, глаза раскосые и диковатые.

Желудок сироты всегда пуст, и в поступках он не волен. Приоткрыв рот и наклонив свой «бугристый булыжник», Уодхэ молча смотрел на людей стойбища, в основном, его родственников, никому не перечил, а если открывал рот, то оттуда вырывалось мычание. Но когда Уодхэ случалось выпить араки, он дрался со всеми встречными и поперечными. Тогда его били плетями и выгоняли из стойбища. Возвращался он еще больше похуевшим, оборванным и молчаливым.

Никто не считал его равным себе.

Но неведома воля неба человеку, за год разбогател нищий Уодхэ! И теперь живет он с женой в белой юрте, на рассвете идет сквозь туманы по росистым травам к своим лошадям. И лук, и колчан, и чубук, и кресало — все у него украшено серебром и кораллами. Скачет Уодхэ по зеленой траве, где вспыхивают ярко-красные пятна сараны, скачет на охоту на белоногом вороном и, кажется, даже не задумывается о том, что с ним случилось за год. Что за бесчувственный и беспечный человек!

Никогда бы Уодхэ не разбогател, если бы год назад его не избили плетями на свадьбе в Хойто Хори родственники...

Стойбище, где живут богатые и бедные родственники Уодхэ, на самом берегу Онона. Год назад провожала из стойбища в Ара Халху, в место Хойто Хори, невесту. Отец девушки, богатый Амбагай, взял в дальнюю дорогу и Уодхэ.

— Оденьте его, как подобает, коня дайте. Пусть едет с нами, мало ли что может случиться в пути. Чем больше мужчин, тем лучше. Ехать далеко, — сказал, вздохнув, своим людям жирный Амбагай. Говорили, что на Синей Горе появились харшаны¹. Хотя дорога была в стороне от той горы, Амбагай опасался.

Тайга все скроет, там и зверя больше, а в степи не спрячешься. Не зря опасался Амбагай, снаряжая свиту невесты, до Хойто Хори по степи, тайге, горам, через реки много конных переходов, не раз придется ночевать. И луки были у людей, и сабли, и кольчуги, только у Уодхэ за кушаком на спине — узкий нож в ножнах.

Ехали по степи — тарбаган стреляли, пробирались узкой дорогой по тайге — на коз и изюбрей охотились, на вершинах молились духам, угощали их и вымаливали удачу, реки и вброд, и вплавь переходили, малахаи и халаты у костров сушили. Много дней ехали, кони приморились, а людям весело в пути.

Все обошлось мирно, добрались до Хойто Хори. А там ждут их, не дождутся. Стойбище на опушке леса, войлоки в круг разложены, костры горят, вертела люди крутят, всюду мясо. Богато и жирно на стойбище Тумбиная, свата Амбагая. Шаман, весь в меди и серебре, камлал, соболем кружился вокруг березы, увешанной шкурками и лоскутками, зайцем прыгал через костер, завыл и запел, задергался судорожно. Страшно и радостно было на сердце Уодхэ! А потом и свадьба грянула... И Уодхэ, как и всем, поднесли араки.

Вскоре все вокруг смешалось и загудело. Там песни поют, там бранятся, брызгая слюной, там парни и девушки ехор-хоровод водят, где-то играют на лимбе² и бьют в бубны, собаки выюнами крутятся, грызутся из-за костей и блевотины, кони ржут у привязей. А солнце вовсю жарит зеленую землю с голубого полуденного неба. В юртах жара, на улице жара. Вдруг, как и всегда, вспыхнула и понеслась драка. Подоткнув полы тэрликов за кушаки, заработали кулаками мужчины. Кто, кого, за что и зачем? Ничего не понять! Шум, гам, суматоха страшная, уже у многих были выправлены в кровь носы, подправлены так и смяты брови и скулы, когда столкнулись местный силач Буга и Уодхэ.

Запахло серьезной битвой. Вцепившись друг в друга намертво, они покатались по земле, рвали одежды, рычали, как дикие звери, вскочив на ноги, пинали и хлестко угощали головы и бока увесистыми ударами. Все вокруг отлетало от них и ломалось.

Но никогда бы не разбогатеть нищему Уодхэ, если бы на шум не вышли из юрты сваты — Амбагай и Тумбинай в красивых и засаленных тэрликах. Пьяные и жирные хозяева оглядели мутными глазами беспорядок. Не понравилось им такое продолжение свадьбы.

— Высыпьте им плетей и гоните отсюда прочь! Пусть их харшаны съедят! — крикнули, перебивая друг друга, Амбагай и Тумбинай.

Родственники бросились на своих борцов, засвистели плети. Ах, как усердствовали родственники!..

Очнулся Уодхэ, прислушался — недалеко люди гуляют, что-то весело кричит пьяный Амбагай. Место незнакомое. Вот этих берез и сосен Уодхэ никогда не видел, степью и Ононом не пахнет. Где он, что случилось? К плетям Уодхэ был привычен, шкура за много лет задубела... Замычал Уодхэ, ощупывая тяжелую голову и понял, что дрался, и его опять выгнали из стойбища. Нельзя ему к людям. Он поднялся и пошел все дальше и дальше в тайгу. В полдень он устал и уснул на мягком мху до рассвета. Никогда тело Уодхэ так мягко не спало на твердой земле у Онона.

Проснулся Уодхэ, протрезвел, огляделся — вокруг тайга, ничего не видно за деревьями. Что делать?

Если он будет все время идти туда, откуда выходит солнце, то ни за что не минует Онона, а там и стойбище найдет. Долго придется идти. Ничего, как-нибудь доберется, не впервой. Ощупал Уодхэ кушак — нет ножа. Худо, если зверь попадется. Камней много, всегда можно искру высечь и раздуть огонь, мох повсюду.

Двинулся неунывающий Уодхэ в путь. По ночам жутко рывкали гураны, ухали филины, сотрясая тишину. Уодхэ чутко дремал у тлеющего костра, прислушивался. Он смотрел на подрагивающие звезды, и в его булыжной голове роились смутные думы.

Уодхэ шел много дней, тэрлик, штаны и гутулы³ превратились в лохмотья. Амбагай-ахэ будет ругаться, ведь это он одел его в путь. Придется отрабатывать. Голода Уодхэ по привычке не чувствовал, ел корни сараны, смородину, бруснику. Отломив березовую жердь, он несколько раз подкрадывался к диким козам, но чуткие козы стремительно убегали от него.

Одичал Уодхэ, оброс, стал осторожен и чуток, как лесной зверь, за версту чуял опасные запахи. Но однажды потянуло дымком, и возликовало сердце бедного Уодхэ!

Никогда бы не разбогател Уодхэ, если бы небо не вывело его к стойбищу в пять юрт. Он побежал на запах дыма, и за редующими деревьями стала открываться ему степь. У самого подножия сопки, около стайки берез, стояли, как опрокинутые чаши, высокие белые юрты.

Сел Уодхэ в изнеможении на землю, замычал, затряс головой и громко рассмеялся. Уодхэ сильный, он нашел людей!

Но почему люди выбегают из юрт и убегают от него? Почему они бросили коров и лошадей? Что кричит эта женщина на коне?

— Уходите, люди! Харшаны идут. Харшаны!

— Нет, это не харшан, он не похож на них.

— Где мой лук? Куда ты подевала колчан и лук?

— Он не похож ни на одного из них!

Смуглые люди собрались у берез и со страхом смотрели на приближающегося Уодхэ. Они пятились от него, лук в руках мужчины подрагивал. Чего они испугались? Это же он, Уодхэ, идет.

— Он не харшан! — вдруг облегченно крикнула женщина.

— К-кто т-ты? — выговорил мужчина, когда Уодхэ до них оставалось совсем немного.

Он оскалился в добродушной улыбке и промычал:

— Я У-уодхэ, иду домой.

Услышав это и увидев, что он без оружия, люди осмелели. Все с любопытством осматривали его, щупали, нюхали, кто-то потрогал жесткую косу Уодхэ.

Никогда так хорошо не было Уодхэ, как в этот день! Он ел много мяса, пил арсу⁴, блаженный сон давил его к земле. Люди, обрадованные тем, что он не харшан, что-то наперебой ему говорили у очага, но он только счастливо смеялся и мычал. Круглолицые мужчины, прикусывая кончики кос, задумчиво смотрели на него.

— Он не из наших мест, в Кижинге и Хойто Хори таких нет, — вдруг промолвил один из них. Остальные закивали головами.

— Говорят, что у Тумбиная была свадьба. Не от ононских ли людей он оторвался? — предположил низенький и кривоногий.

Услышав слова Тумбинай и Онон, Уодхэ открыл рот и оглядел людей, сидевших, как и он, поджав под себя ноги калачиками.

— Пусть живет у нас. Ему не надо ходить в тайгу, там харшаны. А у нас мужчин будет больше, — решил высокий, видимо, тут главный.

И опять все закивали головами... Уодхэ не видел пожилых и старых, все были молодые и сильные.

Утром мужчины уговаривали Уодхэ остаться, но он показал на восток и заспешил. Тогда люди положили ему в кожаный мешок еду, дали нож ипустили. Уодхэ надо идти, Амбагай-ахэ будет ругаться за порванную одежду и потерянный нож.

— Видишь высокую синюю гору. Возьми от нее на две ладони левее, прямо не ходи, беда будет, — сказал высокий, провожая Уодхэ. Все люди вышли из юрт и с тревогой смотрели на странника.

Взял Уодхэ на два ладони левее от Синей Горы и пошел. Впереди была степь, дальше темнела тайга... Он понял, что далеко отошел от дороги, по которой ехал с Амбагаем и его людьми. Но солнце по-прежнему поднималось из-за Синей Горы, и Уодхэ не мог отвернуть от солнца, там его стойбище. Он прошел степь, вошел в тайгу, долго там блуждал, снова вышел в степь и увидел две низкие серые юрты.

Духи тайги и степи вели Уодхэ, иначе никогда бы ему не разбогатеть!

На стойбище жили пожилые люди — муж и жена. Они не испугались Уодхэ, как молодые, не расспрашивали его. Только хозяин, больной и немощный человек, спросил его:

— Ты никого не встречал в тайге?

— Я видел медведя, он мял кусты и ел ягоды, я его со скалы видел и обошел, — ответил Уодхэ, удивляясь своему многословию.

— У нас пропала корова. Харшаны, наверное, увели, — ни к кому не обращаясь, сказала худая черная женщина, внося хворост.

Ночевал Уодхэ во второй юрте. Хозяева сказали, что тут жили их родственники, но еще зимой поехали к сыну, кочующему у реки Телемба, и до сих пор не возвращаются. Не случилось ли беды? Сказав это, они тягостно и надолго замолчали.

На рассвете, когда Уодхэ собрался уходить, немощный хозяин напутствовал гостя:

— Обойди Синюю Гору, возьми от нее на три ладони левее и иди. Не ходи прямо. Когда харшаны поблизости, то человек сходит с ума и идет прямо к ним. Они шолмосы⁵.

И снова Уодхэ шагал по степи к синееющей кромке тайги. Уодхэ сильный, он никаких харшанов не боится! Ноги его окрепли, и он не чувствовал усталости. К осени Уодхэ доберется до Онона. Отработает Уодхэ за одежду, увидит Амбагай-ахэ какой сильный и работающий Уодхэ и снова даст ему штаны... Из-за Синей Горы выходит солнце, значит, и надо идти прямо туда. Там — Онон, стойбище.

Он стоял на рассвете у каменистой речушки и смотрел на алый шар солнца, выползающий из-за сизой в тумане горы. Уодхэ фыркал и умывался холодной водой, и в голове у него что-то позванивало. То степь представляла перед его глазами, то тучный Амбагай, то Онон. Уодхэ смеялся и окунал обросшую голову в чистые воды речушки, дно которой было усеяно галькой.

Гора уже не синела в тумане, когда он вышел к черной и дряхлой юрте. Оттуда на кривых ногах появились старик со старухой.

— Не Арсалан ли это идет к нам? — спросил старик, приложив ладонь ко лбу и опираясь на плечо покачивающейся старухи.

— Нет, это не Зан, не Арсалан и не Шоно. Может быть, Барас⁶? Да нет, это совсем другой человек, ни на кого из братьев-харшанов не похож, — громко говорила старуха наклонившемуся к ней старику.

Уодхэ подошел, поздоровался, старуха откинула полог, приглашая его в юрту.

— Из Хойто Хори идешь? К Онону? Далеко, очень далеко идти до Онона. Люди давно обходят наши места. Уходить тебе надо побыстрей. Тут недалеко харшаны живут, — говорил старик, смотря на Уодхэ. Голова старика все время подрагивала и качалась.

— Они шолмосы, — сказала старуха и вздохнула. — Никто тут не селится. Все молодые и сильные перекочевали далеко. У них лошади, телеги, а нам как кочевать? Иди назад, парень. Иди!

— Старые мы, жилы и кости одни, — рассмеялся скрипучим смехом старик. — Они заходят к нам, нас не трогают. Когда человек встречается с харшаном, от страха он теряет ум и становится бараном...

— Много лет назад мы кочевали вместе с их родителями, потом старики умерли от черной болезни, а дети ушли в лес, выжили. Старший убил человека и накормил братьев. С тех пор они стали харшанами. Уходи, парень, уходи побыстрей...

В юрте было темно, дымно, лица стариков сливались в прокопченными решетками стен, слова доносились как из тумана.

Вышел Уодхэ, расправил плечи, задышал полной грудью и зашагал прямо к Синей Горе. Яркое светило солнце, пахло ароматами смолы и хвои... Много раз видел Уодхэ, как безропотно умирают бараны. Люди боятся харшанов! Уодхэ не баран, он не боится шолмосов. Уодхэ заберется на Синюю Гору и оттуда увидит долину, а может быть, и Онон! Он наконец-то выйдет из тайги, где ничего не видно и больно глазам.

Но никогда бы не разбогател Уодхэ, если бы он не вошел в черную юрту, никогда у него не было бы таких коней и крепкого лука, если бы он обошел Синюю Гору, откуда выходило солнце!

Уодхэ шел по тропе, переплетенной корневищами деревьев. Сначала он уловил запах дыма, потом увидел обглоданные коровьи кости, дальше стали попадаться лошадиные кости. Уодхэ хотел было присесть и отдохнуть, как вдруг между деревьями увидел стойбище. Он направился прямо туда.